

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (21)

2017

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

С.Г. Бочаров – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)

П. Георгиев – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков – доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

В.С. Синика – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова)

А. Тюрк – PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
V. S. Sinika – Candidate of Historical Sciences (T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

Измайлова С.Ю. (Казань, Россия).
Исследования А.Ф. Лихачева и начальный этап изучения первобытных древностей Казанского Поволжья 8

*Митрошин Е.Н., Лычагина, Е.Л. (Пермь, Россия),
Цыгвинцева Т.А. (Ижевск, Россия), Поплевко Г.Н. (С.-Петербург, Россия).*
Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI 26

Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия), Галимова М.Ш. (Казань, Россия).
Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3А на Средней Вычегде, Республика Коми) 48

*Морозов В.В., Лыганов А.В. (Казань, Россия),
Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия).*
Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье 70

*Эсакия К.М. (Тбилиси, Грузия),
Скаун Н.Н., Терехина В.В. (С.-Петербург, Россия).*
Скребки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий)..... 89

Лыганов А.В. (Казань, Россия).
Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье..... 97

Оруджов Э.И. (Казань, Россия).
Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга..... 117

Синика В.С. (Тирасполь, Молдова).
Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра..... 141

*Байпаков К.М. (Алматы, Казахстан),
Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан).*
Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи 155

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию образования Марийской археологической экспедиции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия» (13-16 августа 2016 г., Республика Марий Эл, п. Юрино)

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).
Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье 168

Березина Н.С. (Чебоксары, Россия).
Памятники финального палеолита и мезолита Чувашского Поволжья: к вопросу о культурной интерпретации..... 190

<i>Казаков Е.П. (Казань, Россия).</i>	
К проблеме хронологии памятников меллятамакского культурного типа	211
<i>Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. (Казань, Россия), Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. (Москва, Россия).</i>	
Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ.....	221
<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).</i>	
К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта.....	244
<i>Дроздова Г.И. (Казань, Россия).</i>	
Участие казанских археологов в работе Марийской археологической экспедиции.....	259

**Материалы II Международной научно-практической конференции
«Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация»
(20–22 апреля 2016 г., Казань)**

<i>Куприянова Е.В. (Челябинск, Россия).</i>	
Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции	272
<i>Умеренкова О.В. (Кемерово, Россия).</i>	
Металлические украшения одежды и головных уборов эпохи бронзы Западной Сибири (проблемы изучения и реконструкции)	280
<i>Усманова Э.Р. (Караганда, Казахстан).</i>	
Презентация андроновского костюма в экспозиции музея (по материалам могильника Лисаковский эпохи бронзы)	289
<i>Файзуллина Д.Ф. (Казань, Россия).</i>	
Костюм населения Волго-Камья ананьинского времени в контексте развития костюмных комплексов Евразии раннего железного века	305
<i>Бусова В.С. (Москва, Россия).</i>	
Текстиль из курганов скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува)	318
<i>Лысенко С.С., Лысенко С.Д. (Киев, Украина).</i>	
Погребальные комплексы и клады как источники для реконструкции парадного убранства носителей комаровской культуры	329

Хроника

<i>Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия).</i>	
Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения».....	351
<i>Федотова Ю.В., Файзуллина Д.Ф., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия).</i>	
II Международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация»	357
Список сокращений.....	361
Правила для авторов.....	363

CONTENTS

Researches and Publications

Izmaylova S.Yu. (Kazan, Russian Federation).
 Research by A.F. Lihachev and the Initial Stage of Studying
 the Prehistorical Antiquities of the Kazan Volga Region..... 8

*Mitroshin E.N., Lychagina E.L. (Perm, Russian Federation),
 Tsygvintseva T.A. (Izhevsk, Russian Federation),
 Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation).*
 Complex Analysis of the Stone Inventory
 from the Chashkinskoe Ozero XI Mesolithic Site 26

*Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation),
 Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).*
 Intentional Fragmentation of Flint Products During the Neolithic (according
 the Pezmogty 3A site on the Middle Vychegda river, Komi Republic)..... 48

*Morozov V.V., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation),
 Kaplenko N.M. (Naberezhnye Chelny, Russian Federation).*
 Late Neolithic Complex of the Gulyukovo I Site in the Lower Kama Region 70

*Esakiya K.M. (Tbilisi, Georgia),
 Skakun N.N., Terekhina V.V. (Saint Petersburg, Russian Federation).*
 Hide-Scrapers from Arukho I Settlement in Georgia (on correspondence
 of the shape and function of prehistoric implements)..... 89

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation).
 Komintern 1 Burial Mound of Lugovskaya Culture in the Kama Mouth Region 97

Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation).
 Settlement System of the Representatives of Ananyino Cultural
 and Historical Areal in Viatka and Vetluga Basins 117

Sinika V.S. (Tiraspol, Moldova).
 Newly Discovered Items of the Zoomorphic Style
 from the Left Bank of the Lower Dniester 141

Baipakov K.M. (Almaty, Kazakhstan), Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan).
 Tamga-Shaped Symbols on Ceramics from the Sites of Otrar Oasis
 of the Pre-Arabic Period 155

**Proceedings of the All-Russian Research Conference dedicated
 to the 60th Anniversary of the Establishment of Mari Archaeological Expedition
 "Issues of Preservation and Popularization of Archaeological Heritage"
 (August 13–16, 2016, the Mari El Republic, Yurino village)**

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
 Results of Studying of the Stone Age Period of the Mari Volga Region..... 168

Berezina N.S. (Cheboksary, Russian Federation).
 Sites of Final Paleolithic and Mesolithic from the Chuvash Volga Region:
 the issue of cultural interpretation 190

<i>Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation).</i> The Issue of Chronological Classification of Monuments of the Mellia-Tamak Type	211
<i>Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A. (Kazan, Russian Federation), Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D. (Moscow, Russian Federation).</i> Defensive Structures of the Gremiachy Kliuch Hillfort	221
<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).</i> The Issue of Chronology And Periodization of Sites from the Piseraly-Andreevka Horizon	244
<i>Drozdova G.I. (Kazan, Russian Federation).</i> Kazan Archaeologists Participate in Mari Archaeological Expedition.....	259

**Proceedings of the 2nd International Research and Practical Conference
"Archaeological Costume: restoration, reconstruction, representation"
(April 20–22, 2016, Kazan)**

<i>Kupriyanova E.V. (Chelyabinsk, Russian Federation).</i> Small Accessories of Women's Headwear of the Bronze Age in the Southern Urals: research and reconstruction techniques	272
<i>Umerenkova O.V. (Kemerovo, Russian Federation).</i> Metal Adornments of Clothing and Headwear in the Bronze Age of Western Siberia (issues of research and reconstruction)	280
<i>Usmanova E.R. (Karaganda, Kazakhstan)</i> Presentation of Andronovo Costume in Museum Exposition (on materials from Lisakovsk burial ground of the Bronze Age).....	289
<i>Fayzullina D.F. (Kazan, Russian Federation).</i> Costume of the Volga-Kama Population of the Ananyino Period in the Context of the Development of Costume Complexes in the Early Iron Age Eurasia	305
<i>Busova V.S. (Moscow, Russian Federation).</i> Textile from the Barrows of the Scythian Period in the Valley of the Eerbek River (Central Tuva)	318
<i>Lysenko S.S., Lysenko S.D. (Kyiv, Ukraine)</i> Burial Complexes and Hoards as Sources for the Reconstruction of Ceremonial Adornments of the Representatives of Komarovo Culture	329

Chronicle

<i>Bugrov D.G., Vyazov L.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> All-Russian Research Conference "1 st Starostin Readings"	351
<i>Fedotova Yu.V., Fayzullina D.F., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> 2 nd International Research and Practical Conference "Archaeological Costume: Restoration, Reconstruction, Representation".....	357
List of Abbreviations	361
Submissions.....	363

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ МАРИЙСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»
(13-16 АВГУСТА 2016 Г., РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ, П. ЮРИНО)**

УДК 902.01

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.168.189>

**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

© 2017 г. В.В. Никитин

В статье представлены результаты 60-летних работ Марийской археологической экспедиции, начатых А.Х. Халиковым в середине прошлого столетия на стоянке II Русско-Луговская. К настоящему времени известно 214 пунктов мезолитического периода. Раскопками исследованы остатки 24 построек. Полученные данные указывают на оседлый образ жизни мезолитических коллективов, определен своеобразный специфический орудийный поселенческий набор. В неолитическую эпоху выделяются три культурных образования. К раннему неолиту относятся комплексы 40 построек с посудой накольчатого (лесостепного) типа. Оригинальность этой посуды с плоскими днищами и накольчатой орнаментацией позволяет автору выделить особую культуру. Вторая культура генетически связана с волго-окскими племенами, изготовлявшими посуду с гребенчато-ямочным орнаментом. Раскопками изучено 8 построек. Материальная культура близка культуре балахнинских племен Волго-Окского междуречья. Культура поселения с волго-камскими традициями в регионе представлена остатками 3 построек развитого неолита. На грани эпохи камня и металла бытовал средневожский вариант волосовской культуры. Раскопками изучены остатки 70 построек. Своеобразие материальных комплексов позволяет автору выделить на данной территории оригинальную культуру (в рамках волосовской историко-культурной общности). Эта культура зарождалась в эпоху неолита и завершилась с приходом балановского населения с навыками придомного скотоводства и металлургии.

Ключевые слова: археология, Марийское Поволжье, мезолит, неолит, энеолит, культура с накольчатой керамикой, балахнинская культура, волго-камская культура, средневожский вариант волосовской историко-культурной общности.

Системное изучение каменного века в регионе было положено исследованиями А.Х. Халикова в связи с работами созданной в 1956 году Марийской археологической экспедиции (далее МарАЭ).

Мезолит. В 1956–1959 гг. (годы интенсивных разведочных и исследовательских работ) экспедицией выявлено 4 памятника: Русско-Луговская II, Ужара (распахана) и Курманаевская (шурфы 15 кв. м), Кромка (распахана).

В настоящее время на карту региона нанесено 214 пунктов с материалом мезолитического времени. Среди них 135 пунктов имеют топографически выраженные признаки постоянных поселений в виде западин от древних построек, насчитывающих от 1 до 12 впадин. Установлены районы интенсивно освоенные и плотно заселенные. Выявлены границы хозяйственного освоения и зоны кратковременных сезонных стоянок.

Исходя из современного состояния источников можно указать наиболее крупные зоны жизнедеятельности: левобережье Волги от р. Дорогучи до р. Ветлуги (Дорогучский, Удельный, Сутырский куст); левобережные волжские от устья р. Арды до р. Мукшум (Дубовские, Отарские, Паратские, Мукшумские); в приустьевой части р. Илети (Волжские). Мощный куст памятников известен по старичному руслу М. Кокшаги (Трояры, Северные Выселки, Сергушкино). Цепочка стоянок и поселений отмечена в правобережье Волги. Здесь стоянки приурочены к приустьевым участкам притоков. К сожалению, пойменная часть правобережья Волги осталась не исследованной и в этом состоянии ушла под воду Чебоксарского водохранилища. Хотя, судя по картам 50-х гг. прошлого века, здесь были обширные поймы со старичными озерами и протоками шириной от 3 до 7 км. О возможности существования здесь мезолитических памятников свидетельствует стоянка на острове Зеленый у г. Козьмодемьянска, размытые водохранилищем стоянки Владимирская, Шунангерская, Юльяльские.

Территория распространения мезолитических образований ограничивается на западе рекой Дорогучей, цепочкой поселений проходит по р. Люнде, правому притоку р. Ветлуги, на северо-западе смыкается с памятниками подобного рода в Воскресенском районе Нижегородской области (Буслаевские), по всей вероятности близкие в культурном отношении марийской группе поселений. Несколько ниже по течению Ветлуги известны стоянки Кромка и Огибное и куст поселений на р. Выжум (левый

приток Ветлуги). Северная граница намечается по среднему течению р. М. Кокшага (стоянка Курманаево) и Б. Кокшага (стоянка Шушер) и кратковременными стоянками по правобережным притокам р. Вятки (Буй, Немда, Уржумка).

Поселения с остатками построек выявлены по левобережным притокам Волги до границ с Нижегородской областью (по Ветлуге) на западе ареала распространения культуры и в верховьях р. Илети. Подобного рода памятники выявлены чувашскими археологами на р. Мукшум в левобережье Волги и на р. Суре у г. Алатырь. Таким образом, левобережные поселения мезолитического времени на западе смыкаются с культурой бутовского типа, на северо-востоке и востоке соседствуют с камской и устькамской культурами.

Еще в середине 50-х гг. прошлого века А.Х. Халиков раскопал стоянку у д. Русская Луговая, на которой изучил единственную на то время мезолитическую постройку в Европейской части СССР. К настоящему времени раскопаны 24 постройки (без учета раскопанных жилищ чувашскими археологами на Мукшуме и Утюже).

Топография поселений практически не отличается от сезонных стоянок и кратковременных стойбищ. Наиболее плотное заселение приурочено к пойменным пространствам с системой старичных озер с протоками, часто омывающими возвышенные участки суши, создавая длинные узкие языки дюнной гряды.

Картографирование показало, что основная территория обитания мезолитического коллектива базируется вблизи водной магистрали, позволя-

ющей свободно перемещаться на значительные расстояния, используя для этого примитивные плавсредства.

Раскопками исследованы остатки 24 построек. Два поселения изучены практически полностью: Удельно-Шумецкое X (9 построек из 12; Ясачное – 4 из 4). Планировка поселений, имеющих систему построек (не менее 4), двухрядная и продиктована характером местности. Обычно жилища располагаются параллельными рядами вдоль края террасы, дюны или береговой линии. Расстояние между постройками варьирует от 4 до 10 м. Постройки на поселении в основном изолированы друг от друга, редко соединены переходом.

Анализ жилищ с учетом их площади показывает, что в мезолите преобладают небольшие постройки (10–32 кв. м) – 52%, постройки площадью около 50 кв. м составляют 24%, сооружения до 90 кв. м – 12%, жилища площадью 100 и более кв. м представлены также 12% (Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–55; Никитин, 2002в, с. 363–369).

Полученные материалы по устройству жилищ, позволяют сделать его реконструкцию. Как правило, основу жилища составлял углубленный в грунт котлован (от 0,5 до 1 м) с отвесными стенками, предполагавшими какую-то крепежную конструкцию типа плетня или зажатых кольями жердей. Выявлены детали двухскатного перекрытия и обустройства входов-выходов и переходов. Выход-вход иногда опущен ниже уровня пола и снабжен ступеньками из пней и плах. Внутренний интерьер простой, без особых отгороженных участков. Очаги и хозяйственные ямы не имеют устойчивого места, устраиваются на

новом месте по мере разрушения старого. Спальные места могли быть на бровке котлована между наклонным скатом крыши или устроены по типу полатей под крышей, не исключено применение подвесных гамаков.

Полученные коллекции материальной культуры в виде изделий из камня (основные наборы) и костяных предметов (редких) дают представление о хозяйственной деятельности насельников стоянок и поселений. Наборы орудий двух типов (стоянки и поселения) освоенного пространства сильно отличаются. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, экономической задачей или хозяйственной целесообразностью коллектива, оставившего тот или иной технокомплекс. Естественно предположить, что коллективы охотников или рыболовов на сезонном стойбище оставят адекватные своему промыслу орудийные наборы.

По нашим наблюдениям установлено, что на стоянках слабо выражен процесс первичного расщепления кремня, а на некоторых (Шартнейка III) он и вовсе не просматривается. Отсюда и необычайно высокий процент пластинчатой техники. Поселенческие наборы всегда будут представительнее и разнообразнее наборов стоянок.

В наборе инструментария для технокомплекса этого времени характерно: разнообразие в формах и обработке скобле-режущих изделий, обилие деревообрабатывающих орудий, разнообразный набор острий. Характерной особенностью технокомплекса является значительный процент резцов – 8–33% на поселениях и 18–31% на стоянках. На стоянках найдено больше наконечников, чем на посе-

лениях. Так, на площади 10 построек Удельно-Шумецкого X поселения найдено около 20 наконечников (по 2 на постройку), на Ясачном – 4 (по 1 на постройку), на Дубовском XIII – 3, на Дубовском XXIII – 1, на Нижней Стрелке VI – 9, Русско-Луговой – 3 стрелки и 2 трапеции. На стоянках, при значительно меньшем количестве орудий, наконечники представлены: Шартнейка III – 6 экземпляров, Юльялы IV – 6 стрелок и 8 трапеций, Парат XI – 8 стрел и 2 трапеции, Кожла – 6 стрел и 1 трапеция, Северные Выселки – 4 стрелы и 1 трапеция, Огибная и Владимирская по 3 стрелки. Нужно учитывать и то, что на сезонном стойбище могут отсутствовать морфологически выраженные и технически совершенные орудия. Набор хозяйственного инвентаря в коллекции памятника всегда значительно больше морфологически выраженных орудий, используемых в статистических подсчетах. Часто используются куски кремня с подходящей конфигурацией кромки, угла, выступа, выемки и т.п. для применения в качестве инструмента без дополнительной обработки, особенно в классе скребков, скобелей, ножей и острий (Галимова, Никитин, 2004, с. 301–304).

Мезолитические древности Среднего Поволжья отнесены А.Х. Халиковым к волго-окской культурной области (Халиков, 1960, с. 21), позже он видит связь их с комплексами Приуралья и Сибири, хотя наблюдается некая связь с бассейном Оки и Верхней Волги (Халиков, 1969, с. 33). Л.В. Кольцов связывает эти комплексы с позднебутовскими, но при этом отмечает, что данный регион представляет собой классический пример мезолитической контактной зоны –

полосы взаимодействия культур различных традиций и генезиса (Кольцов, 1989, с. 90–91). В.В. Никитин отметил возможность выделения на территории Волго-Вятского междуречья оригинальной мезолитической культуры (Никитин, 1996в, с. 40). Позже он конкретизировал свои выводы и предложил выделить в Среднем Поволжье оригинальную мезолитическую русско-луговскую культуру (Никитин, 2006а, с. 224–232). В эту же культуру возможно отнести подобные образования Чувашского Поволжья (Березина, 2012, с. 79–135).

Не разработаны хронология и периодизация мезолита. По палинологическим анализам, мезолитические комплексы укладываются в пределы бореала – начала атлантика (VII – рубеж VII–VI тыс. до н. э.) (Халиков, 1960, с. 18; Шаландина, 1989, с. 175–179), что соответствует палинологической колонке поселения Ивановское VII на Верхней Волге, датированного по C^{14} 7860±80 и 7820±240 лет назад (Жилин и др., 2002, с. 88). Близкая дата, полученная по углю на Мукшумском XVIII поселении – 8240±220 лет назад (Березина, 2012, с. 135). Верхняя дата может быть обозначена появлением глиняной посуды в Марийско-Чувашском Поволжье в начале VI тыс. до н. э. (Никитин, 2011, с. 144).

Неолитическая эпоха в регионе представлена тремя культурными образованиями. Наиболее ранней из них являются комплексы с плоскодонной посудой и накольчатым рисунком, видимо, одновременны им комплексы с остродонными сосудами и гребенчатой орнаментацией раннего камского облика, третьим мощным образованием являются носители посуды балахинского типа.

Ранний неолит был выделен А.Х. Халиковым после исследований II Русско-Луговской стоянки позднего мезолита в отдельный этап докерамического неолита (Халиков, 1969, с. 41–49). Раскопанные А.Х. Халиковым Старомазиковские II и III стоянки в 1958 г. со смешанными комплексами посуды (накольчатая, гребенчатая и гребенчато-ямочная) были отнесены к позднему этапу неолита.

Термин «докерамический неолит» не прижился среди отечественных археологов, но сама постановка проблемы начала неолитизации в лесной полосе до появления здесь глиняной посуды имела основания, и в дальнейшем разрабатывалась автором (Никитин, 2002а, с. 293–303; 2006а, с. 254–259; 2008, с. 307–313; 2012, с. 467–498). В начале 2000-х годов В.В. Никитин развил точку зрения А.Х. Халикова на начало неолитизации в регионе. Его гипотеза сводилась к двум моментам: 1 – появление керамики связано с миграцией носителей глиняной посуды из регионов лесостепи; 2 – сосуществование пришлого неолитического и местного мезолитического населения (Никитин, 2002, с. 181–187).

На рубеже VII–VI тыс. до н. э. в лесном Волго-Камье создаются крупные поселки с системой построек разного назначения, свидетельствующие о прочной оседлости населения, контролирующего определенную систему жизнеобеспечения, способной регулировать ее функционирование лишь при возрастающей роли семейной общины. Возрастает организующая роль племенных «вождей» в связи с многофункциональностью хозяйственных проблем в разные сезоны годового цикла. Правильное распре-

деление общинных действий, направленных на круглогодичное жизнеобеспечение было возможным лишь при наличии какого-то координирующего начала. Судя по успешному освоению территории Волго-Камского региона, такое «начало» было найдено и проявилось в особом устройстве общества, способного организовываться во временные коллективы различного хозяйственного направления, главная задача которого – адаптация к создавшимся условиям для успешной жизнедеятельности и продолжения рода (Никитин, 1994б, с. 92; 1996а, с. 24–26; 1996б, с. 42–44).

Разведочными работами В.В. Никитина (1974–2007 гг.) было выявлено более 50 пунктов с наличием посуды ранне-неолитического периода (керамика с наколом и прочерком). Систематическое изучение неолитических поселений начато В.В. Никитиным в 1980 г. работами на Дубовском III поселении. Раскопом изучены остатки 14 построек. В этом же году было изучено жилище на Отарском VI поселении. Уже в следующем году Дубовское III поселение ушло под воду. В первой половине 80-х годов прошлого века были изучены постройки на Дубовских VIII и IX поселениях, Сутырском I, II, V поселениях. На некоторых из них работы были продолжены (Никитин, Королев, Николаев, Большов и др.) в 1990-е и 2000-е годы.

В итоге большими площадями исследовано 18 поселений, 17 изучены траншеями и шурфами, на 22 получены материалы ранне-неолитического времени (выделены из комплексов более позднего времени). На поселениях изучены остатки 40 построек, продолжавших домостроительные традиции предшествующего времени.

Появляются и наземные жилища, корни которых, вероятно, уходят в домостроение более южных лесостепных районов (Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–58, 131–140).

Поселения с накольчатой посудой тяготеют к широким пойменным дюнам с множеством старичных озер, связанных протоками с основными водными путями. Долговременные жилища устраиваются на разных уровнях: пойменные всхолмления, пойменная терраса (1–3 м), дюнные гряды на террасе (4–6 м) над уровнем воды до затопления Чебоксарского водохранилища.

Постройки с углубленным котлованом небольших размеров. Так на Дубовском III поселении из 14 построек полностью сохранились 9 с углубленным до 40–60 см котлованом подчетырехугольной формы. Углубленная часть постройки варьирует в пределах 8,5–35,3 кв. м. На Дубовском VIII поселении постройки крупнее и представлены размерами котлованов, углубленных в грунт на 30–100 см с площадью пола от 36 до 87 кв. м. На Дубовском VII поселении постройки, размытые водохранилищем, по своим параметрам близки строениям Дубовского III поселения.

Постройки Отарского VI поселения в основном наземной конструкции. Из сохранившихся, полностью или частично, границ построек №№ 1 и 4 имели углубленную часть (45 и 120 см) и размеры котлована 6,6 × 4,8 и 7,5 × 8,5. Остальные наземные постройки с достаточно большим разбросом в размерах площади от 37 кв. м до 140 кв. м. Постройка на Сутырском VII поселении представлена остатками отдельных хозяйственных объектов от наземных конструкций с

неуловимыми границами в результате сильно обесцвеченного грунта. Сооружение на Сутырском V поселении имело ширину 4 м при длине около 9–10 метров, и вписывается в систему размеров жилищ Дубовского куста поселений.

Посуда. В лесной полосе Поволжья ранненеолитическая посуда представлена небольшими округлобкими или прямостенными банками с плоским/плосковогнутым дном. Тонкостенные формы тщательно заглажены с обеих сторон, часть посуды с лощением внешней поверхности. Структура плотная, визуальна без видимых искусственных примесей, но встречаются естественные вкрапления ракушки или органики. Большинство посуды без орнамента. Орнаментировалась посуда чаще всего треугольным наколом в скорописной или отступающей технике. Композиции простые: пояс вокруг сосуда, диагонали, зигзаги, пересекающиеся линии, редко геометрические элементы. Орнамент приурочен к верхней и нижней трети сосуда, иногда включая дно. Характерной особенностью является пояс круглых ямок по краю венчика.

Полученные в результате раскопок коллекции посуды достаточно представительные (по верхним частям учтено около 800 сосудов), 82 сосуда полностью или на 3 четверти реконструированы. Кроме них реконструировано 11 круглодонных и 1 плоскодонная чаша. Наиболее представительные коллекции: Отарское VI – 396 сосудов и Дубовское III – 72 сосуда. На этих поселениях основную массу посуды составляют округлобокые (прикрытые) и прямостенные банки: на Отарском VI 43 и 49%; на Дубовском VIII – 56 и

40%. Горшки с незначительно отогнутой горловиной найдены только на Отарском VI и Дубовском VIII поселениях и среди посуды составляяют 4%.

Ямки под венчиком – элемент весьма характерен для средневожской посуды. Он встречается на 85% сосудов Отарского VI; на 80% Отарского XVII; на 77% – Дубовского III; на 75% – Дубовского VII; 77% – Нижняя Стрелка VIII; 100% – Нижняя Стрелка IV. Донца (кроме чаш) все плоские или плосковогнутые. Материалы достаточно полно опубликованы в монографии (Никитин, 2011).

Кремневые комплексы раннеолитического времени сохраняют некоторые элементы предшествующего периода: резцовая техника, микрорезцы, односторонняя обработка, микроорудия, круторетушные предметы. Практически исчезают правильно граненные пластины. Преобладают ребристые пластины. Исчезают карандашевидные и сохраняются призматические нуклеусы. Видимо, к этому времени пластина не является основным приемом расщепления, но процент орудий на них составляет от 46,7 до 61% на позднемезолитических и 43–65% на раннеолитических памятниках (Никитин, 1988, с. 63; 1996в, с. 17–30, 90–100).

Сопоставление кремневых комплексов этих образований показывает, что раннеолитическое население заимствует технику торцово-ретушного оформления пластины, наконечники на пластине с частичной ретушью пера или насада, скребки-резцы, крупные наконечники треугольно-черешковых, ромбических и листовидных форм, практически все формы

деревянообрабатывающих орудий. В то же время в технике обработки камня мезолитического населения просматривается новый элемент – попытка применения уплощающей струйчатой ретуши.

В кремневых индустриях (позднего мезолита и раннего неолита) скобле-режущие наборы занимают доминирующее положение: 75–77% в мезолитическом и 69% в неолитическом комплексе.

В неолитических комплексах значительно сокращается роль резцов (почти в три раза), зато в четыре раза возрастает количество острий, в несколько раз увеличивается набор деревянообрабатывающих инструментов, появляются терочники и шлифовальные плитки, известные только на 2 из 16 изученных мезолитических поселков.

В раннеолитическое время появляется мелкая глиняная пластика. Глиняные поделки известны в материалах Отарского VI поселения (Никитин, 2011, с. 361, рис. 191, 18–24). Только на посуде накольчатого типа встречаются сосуды со сверленными отверстиями по стенкам и донцам, указывающие на их особое назначение и применение. Такие сосуды найдены на поселениях: Дубовских III, VII, VIII, Отарском VI, Сутырских V и VII, Большой Горе, Старомазиковской II стоянке. Всего сосудов со сверлинами сейчас известно 19 экземпляров, большая часть из них на Отарском VI поселении в жилищах 1, 2, 3, 4, 14 и 15 (9 экз.). Такая посуда не известна среди неолитических культур с керамикой, украшенной гребенчатыми штампами (камской) и гребенчато-ямочным орнаментом (ба-

лахнинской), а появляется вновь лишь в волосовской культуре в финальной стадии неолита и начальной фазе энеолита.

В связи с этим уместно отметить, что такая посуда присутствует лишь в культурах с наличием домашних животных, в том числе и на памятниках Марийской Низины. Они известны в комплексах Северного Прикаспия (Виноградов, 1981, с. 66 и сл.), Нижней и Средней Волги (Васильев, Выборнов, Козин, 1989, с. 24; Юдин, 2004, с. 24; Мамонов, 2000, с. 164). Естественно предположить применение данного типа сосуда для приготовления молочнокислых продуктов, в том числе и сыров (Никитин, 2011, с. 139). На трех поселениях Марийского Поволжья, наряду с дикой фауной, найдены кости домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь (Никитин, 1996в, с. 92, 96; 2011, с. 139; Петренко, 2007, с. 48, табл. 2).

Изучение материальной культуры носителей посуды с накольчатым и резным орнаментом ставит ряд проблем пока еще не достаточно разработанных. Главная из них – это истоки ее первичного появления и пути проникновения на Среднюю Волгу. Вторая – хронологическая позиция накольчатых комплексов посуды в системе раннего неолита Поволжья, а именно плоскодонной посуды (орнаментированной и без орнамента) как единого культурного и хронологического комплекса. В последнее время предпринята попытка разделить посуду накольчатого типа на хронологически разновременные (по признаку – с орнаментом и без него) несмотря на то что они собраны в жилищах (Васильева, Выборнов, 2016, с. 72–94). Опе-

рируя так называемыми «валидными» датами по керамике, без учета разработанных критериев относительной хронологии и полевых наблюдений исследователей, разделять единые жилищные комплексы посуды на два хронологических горизонта, по крайней мере, некорректно. По реконструированным сосудам восстанавливаются все параметры найденной посуды, где просматривается единство в формах, оформлению внешней и внутренней поверхности и венчика, независимо от того, орнаментирован сосуд или нет. Остается неясным, по каким соображениям обитатели жилища применяли различные отщипы для сосудов, украшенных наколом, прочерком или без орнамента, которые собраны на полу одной постройки. Исследователь обязан не только улавливать явление, но и хотя бы создать попытку объяснения его. С точки зрения реального бытия, такие метаморфозы в технологическом комплексе необъяснимы. Возможно, это элементы не столько культурно-хронологические, сколько хозяйственно-бытовые.

Встает вопрос: а как рассматривать те сосуды, которые выбраны из одной ямы, но один орнаментирован, а другой нет? Показательны в этом материалы Дубовского III поселения. Совместное залегание такой посуды отмечено в жилище 1 яма 7, жилище 2 яма 27, жилище 5 яма 53, жилище 8 яма 30, жилище 10 яма 8, жилище 11 яма 40 (Никитин, 2011, рис. 20, 21, 24, 49, 54). Такая же ситуация и в остальных изученных комплексах.

Стала очевидной необходимость решения вопросов становления производящего хозяйства в среде носителей глиняной посуды (придомного

животноводства), требующих специальной программы изучения. Обозначился круг неисследованных вопросов относительно дальнейшей судьбы носителей накольчатой посуды.

Рассматривая материальную культуру (особенно керамические комплексы), В.В. Никитин приходит к выводу о их крайней близости. Вырисовываются контуры культурной общности в границах верхне-волжских и волго-камских (исключая камские) древностей, локализующихся в зоне широколиственных лесов в отличие от таежной зоны, где бытуют комплексы камского круга. Учитывая близость посуды с накольчато-резным орнаментом на Верхней и Средней Волге, Никитин поддержал мнение Ю.Б. Цетлина об объединении их в одну культурную общность (Никитин, 2002а, с. 302–303).

В заключение следует отметить, что состояние источниковой базы исключает возможность автохтонного развития комплексов накольчатой посуды на базе местного мезолита. Исследователями данного культурного образования выявлен пласт оригинальных материальных комплексов из системы постоянных поселков, сезонных стойбищ и временных стоянок. Маркирующими признаками данного объединения являются керамика, сосуды плоскодонной – плосковогнутой формы с накольчато-резным орнаментом (или без него), занимающих Волго-Вятское междуречье и отдельными языками, уходящих на Вятку, Свягу, Оку. Независимо оттого, под каким углом будет рассматриваться период раннего неолита на Средней Волге и какие векторы связей будут найдены еще исследователями, так или иначе придется объяснять феномен культу-

ры плоскодонной накольчатой посуды (без примеси конического дна и зубчатого штампа), изученной в Марийской Низине. О существовании подобных комплексов на р. Оке свидетельствуют материалы Велетьминской II стоянки (Жилин, Энговатова, 1992, с. 95–109), что подтверждает правомерность постановки проблемы культурного статуса данного типа памятников археологии. Поскольку исследователи раннего неолита лесостепи и леса эти комплексы не признают ни елшанскими, ни верхневолжскими, а в средневолжскую культуру они не вписываются ввиду отсутствия в них конических днищ и гребенчатых оттисков в орнаментации посуды, то, естественно выделить особую неолитическую культуру лесной зоны Средней Волги и по хорошо исследованным поселениям в районе поселка Дубовский предлагается назвать ее дубовской раннеолитической культурой.

Вторым неолитическим образованием в регионе является культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом (балахнинская, по А.Х. Халикову), основное ядро которой занимает Волго-Вятское междуречье, небольшими участками осваивая прибрежные районы приустьевой части р. Камы на востоке и сливаясь с окскими стоянками на западе. Впервые данное культурное образование неолита в регионе начал изучать А.Х. Халиков в начале 1950-х годов (Обсерваторская II, Займище IIIа, Сумская) под Казанью. В 1956 году он же исследует стоянку у г. Волжска (Марий Эл) Русско-Луговскую I, а В.Е. Стоянов стоянки на р. Ветлуге (Выжумская I и II). В 1961 г. А.Х. Халиков изучил постройку на

Удельно-Шумецком V поселении (Халиков, 1969, с. 101–102). После некоторого перерыва, с 1971 г., поселения и стоянки изучаются В.В. Никитиным. За период с 1970–2007 гг. МарАЭ в результате раскопок получены материалы еще 90 памятников с посудой балахнинского типа. В левобережной части Средней Волги было выявлено около 140 пунктов с гребенчато-ямочной посудой. 32 памятника имели впадины от древних построек (от 2 до 20 на поселении). Характерной особенностью расселения балахнинского населения является кустовое обустройство поселков. Так, куст у д. Русская Луговая насчитывает три памятника, Сутырский куст в устье р. Ветлуги – 7 памятников, Майданский – 9, Починковский – 9, Дубовско-Отарский – 14. Особенно показателен в этом отношении Починковский куст, где кроме 9 поселений на одной дюнной гряде (1200×100–150 м) находятся еще не менее 27 поселений и стоянок на берегу Волги от р. Дорогучи до р. Ветлуги. Поселки устраивались на борových террасах (20–25 м) дюнных всхолмлениях (10–15 м), останцах грив в пойме или надпойме (от 2 до 4 м) над уровнем воды в водоеме. Наиболее древние стоянки расположены очень низко, затоплены или подтоплены водохранилищем.

Постройки. В результате раскопок изучены остатки 8 построек: 5 построек с углубленным четырехугольным котлованом и столбовой конструкцией перекрытия, 3 постройки овальной формы.

Постройки Обсерваторского III поселения имели размеры 7 × 3 м и 7 × 4 м со слабо углубленным в грунт котлованом. Жилище на Удельно-Шумецком V поселении с котлованом

четырёхугольной формы 14,4 × 8,8 м с одним входом-выходом; постройка на Дубовском IX поселении с глубоким (до 80 см) котлованом площадью 9 × 9,4 м и двумя выходами-переходами в соседние полуземлянки; котлован постройки Дубовского XII поселения размером 7,8 × 8,3 м углублен в грунт на 60 см. Прямоугольный котлован размером 8,2 × 7,2–8,2 м имело жилище на поселении Галанкина Гора II и два выхода-перехода в соседние строения. Три постройки изучены на Дубовском VIII поселении. В отличие от остальных эти сооружения имели овальные очертания размером 5 × 4,8 м; 4,2 × 4,2 м и 8,8 × 8 м. В двух из них отсутствовали очажные ямы. Объединяет четырехугольные и овальные формы построек, наличие углубленного котлована.

Каменная индустрия. Камнеобработка и производство каменного инвентаря производились на месте поселения, о чем свидетельствуют многочисленные отходы при обработке сырья и орудия для производства инструментария: сколы, пластины, отщепы с желвачной коркой, куски сырья, отбойники, ретушеры и различной формы нуклеусы. Используется преимущественно местный валунный и желвачный кремль, песчаниковые породы и совсем редко кварциты. Иногда на поселениях и стоянках преобладают те породы, выходы которых имеются поблизости: плитчатый кремль на р. Илети, валунный кремль в междуречье Большой и Малой Кокшаг, желвачный кремль на побережье Волги, доломиты, граниты и сливные песчаники по Вятскому увалу и т.д.

Отличительной чертой каменной индустрии средневожских племен является преимущественное изготов-

ление орудий на отщепе. Доля орудий на пластине составляет от 9 до 12% от всего набора. Это характерно на всем протяжении существования культуры.

Типологический состав разнообразен: наконечники стрел преобладают листовидной формы от широких до иволистных, как правило с тщательной обработкой с двух сторон. Имеются наконечники ромбической и вытянуто-ромбической формы. Скребки в основном на отщепах концевые с прямым или овальным лезвием, боковые и угловые с односторонней режущей кромкой. Встречаются скребки-ложкари и скребки-резчики. Ножи на плоских отщепах с прямым или сегментовидным лезвием, обработанные с двух сторон уплощающей ретушью. Имеются ножи клиновидной формы, редкие экземпляры ножа-кинжала. Особо богатый набор деревообрабатывающих орудий: топоры, клинья, тесла и стамески с желобком в лезвийной части. Практически на всех раскопанных большой площадью поселениях найдены каменные грузила, обломки шлифовальных плит и терочников, гребенчатые штампы на сланцевых плитках или отщепах кремня.

В развитии каменной индустрии отмечена тенденция сохранения практически полного орудийного набора на всех этапах развития культуры за исключением резцов. На развитом этапе появляются крупные листовидные наконечники копий со сплошной обработкой пера, клиновидные топоры и концевые скребки на узких отщепах. На позднем этапе появляются дублированные скребки и ножи с двухсторонними лезвиями и выраженным насадом. Наиболее полно представлена коллекция каменных предметов на Дубовском IX поселе-

нии (139 нуклеидных кусков и нуклеусов, 403 пластины, 421 орудие). Соотношение пластин к отщепам 12/88%. Предельная сработанность нуклеусов, большое количество орудий со следами желвачной корки, использование для производства орудий даже маленьких отщепов и пластин свидетельствуют о наличии кризиса сырьевых источников.

Керамика. Посуда полуяйцевидных форм, вылепленная от руки способом кругового налепа внахлест или стык. Ленты широкие (не менее 3–5 см), формовочная масса плотная с добавками в сырье шамотной крошки и дресвы или крупного речного песка. Выделяются основные группы посуды: сосуды прикрытых форм (близки камским); сосуды удлинённых пропорций с выраженной шейкой и незначительно отогнутым краем устья. Кроме этого, на разных этапах встречаются единичные шлемо- или грушевидные формы. Вся посуда орнаментирована. Орнамент выдержан в горизонтальной зональности и состоит из чередующихся зон оттисков гребенки и белемнитной ямки. Для орнаментации используются и аммониты, намотанный на стержень шнур, прочерки, насечки (редко косточки животных или птиц). Орнаментальные мотивы представлены наклонными рядами, елочкой, зигзагами, сеткой, ромбом. Часто используется мотив сетки с ямкой в перекрестии или в ячейке, зигзаг с ямкой в вершине. Для орнаментики характерно (на ранних этапах) плотное заполнение всей внешней поверхности (на отдельных памятниках такие сосуды составляют 90–100%).

Этапы развития. А.Х. Халиков в развитии средневожского варианта

балахнинской культуры выделил три этапа (Халиков, 1969, с. 92–114), хотя В.П. Третьяков не видел основания для разделения культуры на этапы развития (Третьяков, 1972, с. 71–74). К раннему этапу развития А.Х. Халиков отнес комплексы, находящиеся за пределами средневожского региона (ляловская культура). По схеме В.В. Никитина на раннем этапе посуда полужидких форм с несколько удлиненным туловом, слабовыпуклыми стенками, переходящими плавно в приостренное дно. Характерна круглая ямка в центре дна, от которой веером расходятся оттиски гребенки. Орнамент густой, плотный, нанесен в горизонтальной зональности и выполнен исключительно гребенчатыми штампами и белемнитами. Такая посуда близка собственно ранней балахнинской. Такие элементы, как многорядность ямочной зоны, преобладание мешковидных и прямостенных форм (характерных для классических балахнинских или ляловских) на посуде Марийско-Казанского Поволжья минимальны.

На развитом этапе сохраняются прежние формы посуды, исчезают остродонные сосуды, дно более скругленное. Появляются валики и воротнички по краю горловины, которые составляют от 25% на Удельно-Шумецком V, до 50% на Удельно-Шумецком VI поселениях. Степень сходства с ранними комплексами составляет 55%.

Поздний этап знаменуется возрастанием роли прямошейных сосудов с отвернутым краем устья, появлением неорнаментированной и слабо орнаментированной (с разреженным рисунком) посуды. Часто белемнитная ямка заменяется овальной, квадрат-

ной, каплевидной. Падает процент посуды с мелкозубыми оттисками. Возрастает роль крупнозубых и аммонитных штампов в орнаментальных композициях. В орнаментации появляются геометрические узоры и заштрихованные зоны, сближающие посуду восточного (камского) и западного (окского) круга. Широко применяется сочетание различных штампов на одном сосуде. В дальнейшем эти изменения получают развитие в посуде протоволоосовского типа.

Датировка. Полученные абсолютные даты по керамике с гребенчато-ямочным орнаментом указывают на начало IV тыс. до н. э.: Дубовское XII – 5970±90; Дубовское III – 5930±80; Дубовское VIII – 5880±90 и 5720±80 л. н.; Отарское VI – 5810±90, 5930±80 л. н. Близкие аналогии имеются в материалах правобережья р. Суры в Чувашии: Черненькое озеро III – 5840±80; Утюж I – 6080±90 и 5940±90; Вьюново озеро II – 6085±90 л. н. (Выборнов, Кондратьев, 2009, с. 282–284). По времени функционирования поселения этого периода ближе к архаичной стадии развития ляловской культуры – рубеж V–IV – первая четверть IV тыс. до н. э. (Воймежной I – 5990±50, 6000±40, 6100±50; Озерки V – 5930±200; Ивановская VII – 5920±60).

Для развитого этапа имеются даты по керамике поселения Галанкина гора II – 5610±80 и 5430±90 л. н. Завершение развития носителей культуры гребенчато-ямочной посуды можно отнести ко времени формирования протоволоосовских комплексов, датированных по керамике Дубовского VIII поселения (постройки 7 и 8) 5270±80; Дубовская III – 5295±80; Красный Мост – 5260±90 л. н. Таким

образом, время существования балахнинской культуры в Марийско-Казанском Поволжье укладывается в конец V – третью четверть IV тыс. до н. э. (Выборнов, Кондратьев, 2009, с. 282–284).

Дальнейшая судьба населения балахнинской культуры связана с формированием средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности в качестве основного этнического ядра. Материалы культуры опубликованы (Никитин, 2015).

Еще одна культура неолитической эпохи изучалась А.Х. Халиковым с середины прошлого века в зоне затопления Куйбышевского водохранилища на стоянках, исследованных им к западу от г. Казани. Культура открыта О.Н. Бадером в Прикамье и названа им камской. С открытием подобных комплексов в Среднем Поволжье и ввиду расширения территории названа А.Х. Халиковым волго-камской, включившей памятники с гребенчатой и накольчатой орнаментацией. Я же придерживаюсь традиционной бадеровской (поддержанной впоследствии Р.С. Габяшевым) позиции неоднородности культуры гребенчатой и накольчатой посуды (Бадер, 1973, с. 103–105; Габяшев, 1978, с. 7; 2003, с. 58–59, 100, 124; Никитин, 1996в, с. 42–48).

На территории Марийской низменности в пределах левобережья Волги и правого б. р. Вятки можно отметить гребенчатые материалы в смешанных слоях на II и III Старомазиковских стоянках (раскопано 556 кв. м) (Халиков, 1960, с. 36–49), III Обсерваторской (раскопано 436 кв. м) и поселении Нижняя Стрелка V (раскопано 150 кв. м), исследованного в 1987 и

1992 г. В.В. Никитиным и В.В. Николаевым. К востоку–северо-востоку расположена вятская группа камского неолита. К западу от устья р. Дорогучи В.Ф. Черниковым изучена постройка полуземляночного типа размером 5×5 м (Халиков, 1973, с. 114). Картографирование находок камского облика показало, что население этой культуры вело более подвижный образ жизни, предпочитая основным занятиям охоту. Их стоянки содержат слабые культурные напластования, свидетельствующие о кратковременном (сезонном) пребывании.

В 1987 г. разведкой автора в пойме приустьевой части р. Дорогучи обнаружено поселение Нижняя Стрелка V со следами двух сильно оплывших западин. Одна из них, нарушенная свозом, была исследована В.В. Никитиным. Изучено несколько ям, свидетельствующих о том, что западина являлась остатками постройки с углубленным полом. Котлован глубиной до 43–48 см имел почти прямые борта и длину 5,6 м. В 1992 г. изучение памятника продолжил В.В. Николаев. Раскопом в 130 кв. м он изучил остатки двух построек, частично нарушенных свозом к реке. Жилища соединялись переходом. Размеры первого сооружения 11,5 × 5 м наземного типа. В восточном углу устроена ниша 2,5 × 5 м с крупным очагом. Другое кострище устроено в северо-восточном углу. Следующее сооружение находилось западнее через траншею своза и исследованная часть пола составила 5,8 × 8 м с выходом к югу и северу. Данные постройки единственные, которые с уверенностью можно связать с комплексом камской посуды.

Хронологическая позиция средневожских памятников камского типа

недостаточно установлена. Стратиграфия крайне скудная. Есть факт совместного залегания гребенчатой и накольчатой посуды в яме жилища на Нижней Стрелке V и несколько радиоуглеродных дат по керамике с поселения Отары VI (5890±80 ВР), с поселения Нижняя Стрелка V (5510±90) и стоянки Старое Мазиково III (5635±80), не выходящих из хронологической схемы комплексов развитой поры камской культуры на Верхней и Нижней Каме, Вятке, Сурско-Мокшанском междуречье, укладывающихся в пределы первой четверти середины IV тыс. до н. э. (Выборнов, 2008, с. 243–247).

Касаясь вопроса происхождения комплексов камской культуры в левобережье Средней Волги, можно наметить как наиболее вероятный путь от устья Камы вверх по Волге, т.к. основное ядро освоения территории расселения сосредоточено в бассейне р. Илети (Никитин, 1996в, с. 40, рис. 15).

В финальной фазе неолита формируется средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности, знаменующий конец эпохи камня и начало периода раннего металла. Исследованиями под руководством А.Х. Халикова в конце 50-х – начале 60-х годов в левобережье Волги и Поветлужья частично изучены волосовские памятники (Майданские, Удельношумецкие, Юринская, Выжумские, Сутырские, Полянские, Руткинская, Ахмыловская, Чирковская и др.). С середины 1970-х годов источниковая база значительно расширилась в результате разведочных работ неолитического отряда МарАЭ.

Рассматривая проблемные вопросы этногенеза и развития культуры, А.Х. Халиков одной из основных обо-

значает проблему выделения локальных вариантов (культур). К такому же мнению пришли и другие исследователи (Д.А. Крайнов, В.П. Третьяков, В.В. Никитин), указывая варианты: верхневожский, средневожский, окский, волго-окский и другие.

Своеобразие материальных комплексов различных (территориальных) вариантов культурной общности представили возможность исследователям построить оригинальные гипотезы культурогенеза, этапов развития, датировок и дальнейших судеб (Д.А. Крайнов, В.М. Раушенбах, В.В. Сидоров, М.П. Зиминая, С.В. Ошибкина, А.Л. Никитин, А.Х. Халиков, В.П. Третьяков, В.В. Никитин).

В 1970–1980 годы раскопками были исследованы более 30 памятников, на которых изучены остатки 70 жилых построек с богатым набором посуды и каменного инвентаря (Никитин, 1991; Никитин, Соловьев, 2002, с. 60–71). Анализ источников обеспечил фактами В.В. Никитина при создании своей схемы происхождения и развития средневожского варианта культуры. Его схема сводится к следующему. Во-первых, основу культуры составляют древности балахнинского населения (окского), изготовлявшего посуду с гребенчато-ямочным орнаментом при активном участии населения волго-камской (камской) культуры, использовавшего посуду, украшенную оттисками гребенчатых штампов. В результате различного рода контактов образовалась своеобразная группа населения в пограничной зоне между уральским и окским кругом культур и с отличительными особенностями обеих общностей в керамических и каменных комплексах,

хозяйственной деятельности и духовной культуре. На начальном (протоволосовском) этапе выявлены и изучены поселения Красный Мост II и III, Сосновая Грива III, Дубовское VIIa, Дубовское IXa, Барские Кужеры IIIa и др. на которых исследованы остатки 4 построек. Во-вторых, выделены этапы развития: протоволосовский, ранний, развитый, поздний. Установлено, что протоволосовский и ранний этапы полностью соответствуют неолитическому периоду. На развитом этапе уже появляются признаки металлообработки (тигли для плавки металла и мелкие медные предметы), что позволяет связывать памятники этого периода с эпохой раннего металла. С эпохой неолита связываются материальные комплексы, полученные в результате изучения 29 построек. О начале эпохи раннего металла свидетельствуют коллекции, собранные из 41 постройки (Никитин, 1996в, с. 115–152). В-третьих, разработана хронологическая шкала существования культуры с характерными особенностями каждого периода. Судя по имеющимся (не менее 20) абсолютным датам, культура существовала в пределах 5260 ± 90 – 4710 ± 80 лет назад (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, с. 49–55; Шалапинин, 2011, с. 19). В-четвертых, сделана попытка реконструкции социальной структуры и ее роли в хозяйственной деятельности и духовной культуре, направленной на жизнеобеспечение и воспроизводство населения общины. Наконец, исследования памятников позднего этапа стимулировали разработку проблемы дальнейшей судьбы волосовского населения региона, которая была успешно решена исследованиями А.Х. Халикова, В.В. Никитина,

Б.С. Соловьева, выяснивших, что появление в левобережье Средней Волги балановского населения и его взаимодействие с местными племенами привели к образованию чирковской культуры, основное ядро которой составили волосовские древности.

Волосовские древности на обширной территории Поволжья не кажутся этнически однородными и эта проблема нуждается в серьезной научной разработке. Выявленные исследователями в разное время различия в материальной и духовной культуре, иногда делают проблему неразрешимой при современном состоянии источников. Необходимо более четко, чем вариант культурной общности, определить таксономическую значимость объединения, т.е. привязать ее к территории основного ядра с наименованием по наиболее изученным памятникам. В результате многочисленных и длительных дискуссий по проблемам культуро- и этногенеза волосовских образований (особенно по статусу средневожского варианта) стало очевидным не вполне адекватное единство отдельных составляющих данного историко-культурного объединения. При всей близости материальной культуры (которая, прежде всего, зависит от природно-географической среды), духовная культура имеет некоторые отличия, выразившиеся в отсутствии у средневожского населения погребального обряда труположения в землю на площадке поселения. Данное обстоятельство неоднократно обсуждалось на различных форумах и литературе в связи с культурогенезом волосовских древностей. В частности, В.В. Никитин ставил под сомнение волосовскую принадлежность

янтароносных погребений Верхней Волги, считая их прибалтийскими (Никитин, 2010, с. 27–55). До сих пор существуют сомнения в культурной и хронологической интерпретации погребальных комплексов, относимых к льяловскому или волосовскому населению (Черных и др., 2011, с. 32). Тем не менее кроме этого основного элемента, составляющего культуру, имеются и отличия в технологии изготовления посуды, в орнаментике и т.п. Еще с середины 1970-х гг. крупнейший исследователь волосовских древностей И.К. Цветкова указывала на наш богатый комплекс оригинальной культуры, при наличии неоспоримых элементов сходства с окскими памятниками, но не признавала их волосовскими. Прошло 40 лет. Многие выяснено, кое-что следует уточнить, что-то проверить, исходя из новых естественнонаучных возможностей, а главное необходимо продолжить изучение феномена волосовской культурно-исторической общности, занявшей территорию от Финляндии на северо-западе до устья р. Камы на востоке по полосе широколиственного леса. Средневожский вариант этой общности выглядит цельной структурой с границами в пределах: западная – притоки Волги Сура (Утюж) и Дорогуча (Нижняя Стрелка); восточная – р. Казанка (Займище, Сумская); северная – правобережье р. Вятки и Воскресенское течение р. Ветлуги (Буслаевская, Красноярская); южная –

правобережье р. Волги. Естественно, что отдельными языками культура может проявляться и за пределами указанной территории.

Оригинальность культуры и ее достаточно информативная база, некоторые отличия от подобных образований культур пористой керамики позволяют выделить отдельную культурную единицу (в пределах волосовской общности) и по наиболее мощному кусту ранних поселений в левобережье Волги между р.р. Дорогуча и Ветлуга, назвать ее майданской культурой.

Подводя итог, можно заключить, что формирование майданской культуры началось в неолите на базе носителей двух культурных традиций: восточной (камской) и западной (волго-окской). С появлением прото-волосовских материалов было установлено, что приоритет в процессе сложения культуры в левобережье Средней Волги принадлежал носителям волго-окских древностей.

На позднем этапе развития волосовских комплексов происходит активное взаимодействие их с пришедшими на Среднюю Волгу носителями производящих форм хозяйствования – земледельцами и скотоводами, применявшими металлические изделия. Эти связи приводят к образованию чирковской культуры, знаменующей новую эпоху в истории племен Среднего Поволжья – эпоху бронзы (Халиков, 1969; Соловьев, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. АЭМК. Вып. 3. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 64–89.
2. *Бадер О.Н.* Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. № 172. М.: Наука, 1973. С. 99–106.

3. Березина Н.С. Об итогах изучения памятников мезолита на территории Чувашского Поволжья // Чувашская археология. Вып. 1 / Ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 79–135.
4. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Гос.пед.институт, 1989. С. 18–45.
5. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. АЭМК. Вып. 31. / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2016. С. 68–98.
6. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.
7. Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т. 11. 2009. № 6. С. 282–284.
8. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
9. Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 1978. 19 с.
10. Галимова М.Ш., Никитин В.В. К проблеме реконструкции добычи и использования сырья в каменном веке Среднего Поволжья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 299–304.
11. Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгватова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.
12. Жилин М.Г., Энгватова А.В. Стоянка Велетьминская 2 – памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке // СА. 1992. № 1. С. 95–109.
13. Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 87–92.
14. Королев А.И. Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года) // ТАС. Вып. 9 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 295–312.
15. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Тр. МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996в. 180 с.
16. Никитин В.В. Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1984. С. 31–43.
17. Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2015. 364 с.
18. Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002. С. 293–303.
19. Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006а. С. 224–232.
20. Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. Вып. 6. Т.1. Тверь, 2006б. С. 254–259.
21. Никитин В.В. На стыке двух эпох. К вопросу о формировании волосовской культуры / Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье

/ Отв. ред. Л.И. Ашихмина, Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрОРАН, 1994б. С. 65–66.

22. *Никитин В.В.* Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2(4). С. 11–17

23. *Никитин В.В.* Остроконечники ранненеолитических комплексов лесной зоны Среднего Поволжья // Первобытные древности Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 467–498.

24. *Никитин В.В.* Поселения Красный Мост II и III. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 27–55.

25. *Никитин В.В.* Природная среда и социальная организация первобытного общества (опыт реконструкции по материалам Среднего Поволжья) // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России / Научн. ред. В.П. Челябинцев. Рязань: РГПУ, 1994а. С. 52–54.

26. *Никитин В.В.* Проблемные вопросы неолитизации Волжского бассейна // Человек, адаптация, культура / Ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 307–313.

27. *Никитин В.В.* Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской России / Ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1988. С. 54–66.

28. *Никитин В.В.* Ранний неолит Волго-Камья (к вопросу о месте накопчатой керамики) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Прикамья / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2002б. С. 181–187.

29. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья // Тр. МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2011. 470 с.

30. *Никитин В.В.* Социальная среда первобытного коллектива как основной элемент баланса во взаимоотношениях человека и природы в каменном веке (по материалам Марийской археологической экспедиции) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии / Ред. В.И. Матвеев, И.Б. Васильев. Самара: Институт истории и археологии Поволжья, 1996а. С. 42–44.

31. *Никитин В.В.* Социокультурная адаптация древнейших коллективов лесной зоны Среднего Поволжья (к постановке проблемы) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Изд-во Восточный университет, 1996б. С. 24–26.

32. *Никитин В.В.* Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002в. С. 363–369.

33. *Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

34. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

35. *Третьяков В.П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИА РАН, 1990. 212 с.

36. *Третьяков В.П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

37. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

38. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

39. Халиков А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.

40. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–78.

41. Шаландина В.Т. Палионологическая характеристика археологических памятников Марийского Заволжья // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 174–182.

42. Шаланин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011.

43. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

RESULTS OF STUDYING OF THE STONE AGE PERIOD OF THE MARI VOLGA REGION

V. V. Nikitin

The article presents the results of 60-year activity of the Mari Archaeological Expedition established by A. Kh. Khalikov in the middle of the previous century at Russkoye-Lugovoye II site. A total of 214 sites of the Mesolithic period have been discovered. The remains of 24 dwellings have been studied by excavations. The obtained data indicate a settled lifestyle of the Mesolithic communities, and a unique selection of settler implements has been established. Three cultural formation of the Neolithic period have been identified. The early Neolithic is represented by the complexes of 40 dwellings with spindle ornamented (forest-steppe) type of ceramics. The originality of this dishware with flat bottoms and spindle ornamentation allowed the author to identify an individual culture. The second culture is genetically related to the Volga-Oka tribes which manufactured ceramics with comb and pit ornamentation. A total of 8 dwellings have been studied during excavations. The discovered material culture is similar to that of Balakhnino tribes from the Volga-Oka interfluvium. The culture of settlements with Volga-Kama traditions is represented in the region by the remains of 3 dwellings of the developed Neolithic period. The Middle Volga version of the Volosovo culture existed in the area between the Stone and Metal Ages. The remains of 70 dwellings have been excavated. The uniqueness of the material complexes allowed the author to identify the original culture of the territory (within the Volosovo historical and cultural community). This culture originated in the Neolithic period and ceased to exist with the arrival of the Balanovo population skilled in domestic cattle breeding and metallurgy.

Keywords: archaeology, the Mari Volga Region, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, spindle ornamented ceramics culture, Balakhnino culture, Volgo-Kama culture, Middle Volga version of the Volosovo historical and cultural community.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. 1978. In Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. (ed.). *Lesnaia polosа Vostochnoi Evropy v volosovsko-turbinskoe vremia (Forest Belt of Eastern Europe in the Volosovo-Turbino Period)*. Series: Arkeologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of

the Mari Land) 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 64–89 (in Russian).

2. Bader, O. N. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: “Nauka” Publ., 99–106 (in Russian).

3. Berezina, N. S. 2012. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (ed.). *Chuvashskaia arkhologiya (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 79–135 (in Russian).

4. Vasil’ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 18–45 (in Russian).

5. Vasil’eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In Solov’ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkhologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh’e i Volgo-Kam’e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 68–98 (in Russian).

6. Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech’ia (Ancient Hunters and Fishermen of Central Asian Mesopotamia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

7. Vybornov, A. A., Kondratev, S. A. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no. 6, 282–284 (in Russian).

8. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam’ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).

9. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam’ia (The Neolithic Age of the Lower Kama)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

10. Galimova, M. Sh., Nikitin, V. V. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkhologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

11. Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul’tury Verkhnego Povolzh’ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On Materials from Ivanovskoe VII Site)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

12. Zhilin, M. G., Engovatova, A. V. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 95–109 (in Russian).

13. Kol’tsov, L. V. 1989. In Kol’tsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (Mesolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ., 87–92 (in Russian).

14. Korolev, A. I. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (9). Tver: “Triada”, 295–312 (in Russian).

15. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IV. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

16. Nikitin, V. V. 1984. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia kamennogo veka Volgo-Kam’ia (Issues of Studying the Stone Age of the Volga-Kama Region)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 31–43 (in Russian).

17. Nikitin, V. V. 2015. *Kul’tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh’e (Pit-Combed Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House (in Russian).

18. Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 293–303 (in Russian).

19. Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (I). Tver: Tver State United Museum, 224–232 (in Russian).

20. Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (I). Tver: Tver State United Museum, 254–259 (in Russian).
21. Nikitin, V. V. 1994. In Ashikhmina, L. I., Savel'eva, E. A. *Evropeiskii sever: vzaimodeistvie kul'tur v drevnosti i srednevekov'e (European North: Interaction of Cultures in Antiquity and the Middle Ages)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences 65–66 (in Russian).
22. Nikitin, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 11–17 (in Russian).
23. Nikitin, V. V. 2012. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Pervobytnye drevnosti Evrazii (Prehistoric objects from Eurasia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 467–498 (in Russian).
24. Nikitin, V. V. 2010. In Zelenev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 27–55 (in Russian).
25. Nikitin, V. V. 1994. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie. Pamiatniki arkheologii Tsentral'noi Rossii (Historical and Cultural Heritage. Archaeological Sites of Central Russia)*. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University, 52–54 (in Russian).
26. Nikitin, V. V. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 307–313 (in Russian).
27. Nikitin, V. V. 1988. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy pozdnego mezolita – rannego neolita Mariiskogo Povolzh'ia (po materialam Udel'no-Shumetskogo XII poseleniia) (Issues of Late Mesolithic–Early Neolithic in the Mari Volga Region (on Materials from Udelno-Shumetskoe XII settlement))*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 54–66 (in Russian).
28. Nikitin, V. V. 2002. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i tolerantnosti narodov Prikam'ia (Historical Origins, Experience of Interaction and Tolerance between Peoples from the Kama Region)*. Izhevsk: Udmurt State University, 181–187 (in Russian).
29. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IX. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
30. Nikitin, V. V. 1996. In Matveev, V. I., Vasil'ev, I. B. (eds.). *Vzaimodeistvie cheloveka i prirody na granitse Evropy i Azii (Interrelationship of Man and Nature at the Border between Europe and Asia)*. Samara: Institute of History and Archaeology of the Volga Region, 42–44 (in Russian).
31. Nikitin, V. V. 1996. In Ivanov, V. A. (ed.) *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy. Ch. 1 (13th Ural Archaeological Readings. Proceedings. Part 1)*. Ufa: “Vostochnyi universitet” Publ., 24–26 (in Russian).
32. Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 363–369 (in Russian).
33. Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
34. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
35. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III–II tys. do n.e. (Volosovo Tribes in the European Area of the USSR in 3rd–2nd Millennia B.C.)*. Leningrad: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).

36. Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
39. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ., 107–121 (in Russian).
40. Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Orlovskaiia, L. B. 2011. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24–78 (in Russian).
41. Shalandina, V. T. 1989. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 174–182 (in Russian).
42. Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. Izhevsk (in Russian).
43. Iudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature, and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в номер 22.12.2016 г.